

СЕРИЯ «ТВОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДРУГ»

Художник А. Подвилова

Детская литература

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*. Редактор *Ю. Шишкова*. Корректоры *Е. Пятаева, Е. Рипс*.
Технический редактор *З. Кондрашова*. Верстка *И. Покидова, М. А. Алимпиев*

Подписано в печать 23.11.2007. Формат 84 x 108/16. Тираж 15 000 экз. Заказ № .

Издательский Совет Русской Православной Церкви.
119435, Москва, Погодинская ул., 20, корп. 2

Оптовый отдел реализации: (495) 246-20-85, 246-52-08
Магазин: (495) 245-30-68

Н. Северин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ УМНОЙ КОШКИ

СЕРИЯ «ТВОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДРУГ»

Н. Северин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ УМНОЙ КОШКИ

Издательский Совет
Русской Православной Церкви
Москва 2008

История первая

Родились мы все четверо — я, мои братья и сестра, в большом деревянном ящике, под лестницей, которая вела на чердак. Мать наша, любимица старой няни Дарьи Максимовны, крепко боялась, чтоб не вышло от господ распоряжения закинуть всех нас в помойную яму, а потому в первое время она ни на минуту нас не оставляла и на каждого, кто только подходил к нам, бросала сверкающие от гнева и угроз взгляды, причём шерсть её ерошилась, а острые когти самым зловещим образом высывались из бархатных лапок.

Первый человеческий голос, который я услышала через несколько дней после моего появления на свет, был тонкий, нежный голосок маленькой девочки по имени Катя.

— Няня, милая, дорогая! Дай мне на котяток посмотреть! — пицала она, протягивая к нашему тёплому углу свои беленькие, пухленькие ручки, с ямочками у всех пальчиков и на локотке.

Но не успела она дотронуться до одной из стенок нашего уголка, как другая рука, тёмная и костлявая, грубо схватила её и отёрнула в сторону.

— Что это ты, сударыня, с ума сошла! Да разве можно в такое время подступаться к кошке? Она теперь в таком азарте, что может в личико вцепиться, да чего, Боже сохрани, глазки выцарапать! Вот, дай срок, подрастут её котятки, наиграешься тогда с ними досыта.

— Они какие, няня, чёрненькие или серенькие?

— Они беленькие, сударыня, беленькие. В кого им чёрными или серыми быть? Чай, киска-то белая, ну, какой шерсти matka, такой и детки!

— А чёрная звёздочка у них есть на лбу, как у киски? — продолжала допытываться Катя.

Но ответа Дарьи Максимовны мы не расслышали — так обрадовали нас её последние слова. Она надеялась, что мы подрастём, стало быть, нас и не думают истреблять. Какое счастье! От радости мы закопошились, стали лизать друг друга и тихо мяукать, но мать наша всё также продолжала беспокоиться: она по опыту знала, как мало надо полагаться на людей, как непостоянны они во всём: сегодня желают одного, завтра — другого.

— С Бишкой бы повидаться поскорее, — сказала она, — никто лучше него не умеет угадывать мысли людей, вслушиваться в их разговоры и выводить из них именно то, что есть, а не то, что кажется!

Мы спросили: кто это Бишка? Такое же существо, как и мы, или другой породы?

Совершенно другой. Бишка был старый пёс, очень доброе и честное животное, но, по мнению нашей матери, до того пристрастный к людям, что противно было смотреть.

— Он так им предан, что готов жизнь свою за них отдать, — говорила она. — Надо быть собакой, чтоб не понимать, до какой степени это и смешно, и глупо.

Но это, однако, не мешало им быть большими друзьями и советоваться друг с другом во всех важных случаях жизни.

Вообще принято думать, что кошки с собаками должны непременно жить в ссоре; у людей даже пословица сложилась на этот счёт; про тех, которые постоянно ссорятся между собой, говорят, что они живут как кошка с собакой; но мнение это точно так же ошибочно, как и большая часть людских мнений. Люди привыкли судить больше по наружному виду, не вникая в причину явлений. Им всегда кажется, что только то и есть, что они в состоянии увидеть глазами, услышать ушами или представить себе в воображении; остальное для них не существует. Вот уже про кого можно сказать, что они дальше своего носа не видят!

Несколько часов спустя после посещения нас Катей и Дарьей Максимовной явился к нам и Бишка. Шерсть у него была длинная, коричневого цвета, с белыми пятнами, очень мягкая, в особенности на ушах, которые добродушно висели почти до полу; он медленно и важно выступал, как и подобает степенному псу, знающему себе цену и привыкшему к почёту. Лаять на кого бы то ни было он уж давно отвык; если только заворчит, когда ему что-нибудь не понравится. Прыгать, визжать, вилять хвостом перед кем бы то ни было он также считал ниже своего достоинства. Все внутренние ощущения проявлялись больше в глазах, которые у него были очень умные, добрые и ласковые.

Величаво помахивая хвостом, Бишка, не торопясь, подошёл к нам, нагнулся, приветливо обнюхал каждого из нас и поздравил с благополучным появлением на свет.

— Не то, чтоб уж очень следовало этому радоваться, — заметил он, — но уж так исстари ведётся, а я принял себе за правило не отступать от старинных обычаев; это гораздо приличнее, чем гоняться за новыми модами. Нынешняя молодёжь на нас и внимания не обращает, — заключил он, задумчиво кивая головой.

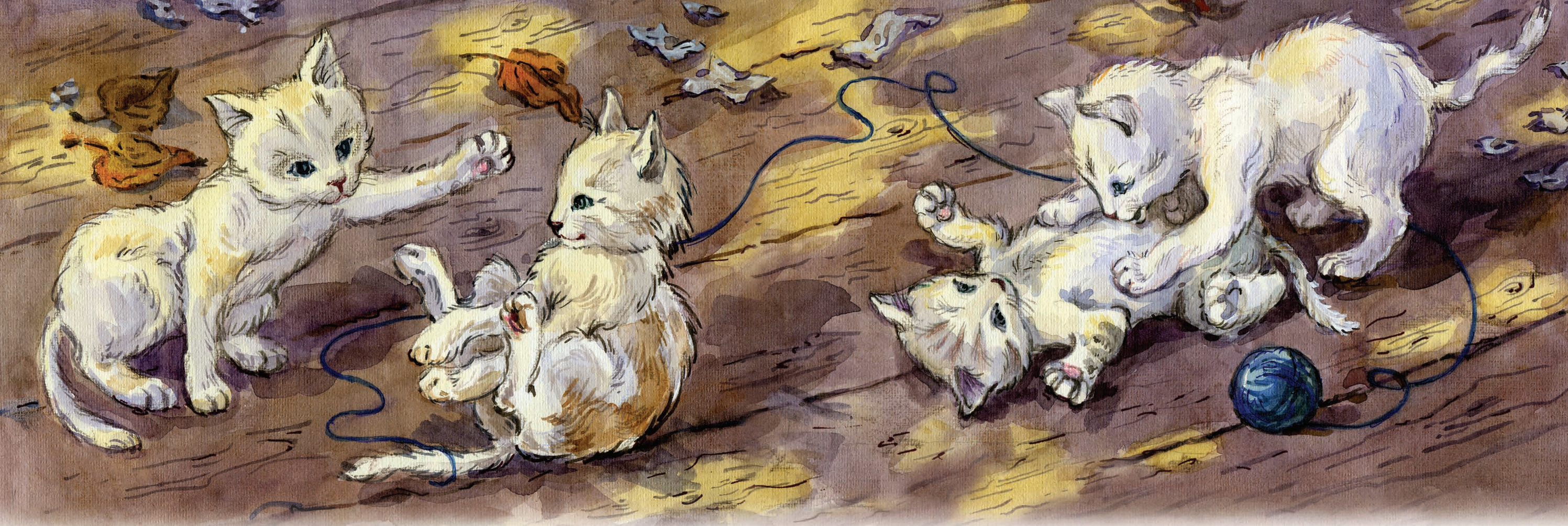
Мать спросила, говорят ли о нас в доме и не слышал ли он, что́ думают с нами сделать.

— О вас очень много говорят и в детской, и в столовой, — отвечал Бишка. — Сегодня, за завтраком, барыня

при мне спрашивала у Дарьи Максимовны, сколько у тебя котят и в каком именно месте ты их произвела на свет, а когда узнала, что это произошло под чёрной лестницей, в ящике для грязного белья, то очень рассердилась и объявила, что напрасно тебя к тому времени в сени не выгнали...

— Это в холод-то? Спасибо! — сердито прервала его мать. — Вот каковы они, люди-то! Ничего хорошего от них не дождёшься, сколько ни живи с ними и как ни служи им!.. Нас, чего доброго, и теперь выгонят, — волновалась она всё больше и больше, — куда же мне с детьми-то деться? Их целых четверо и они такие ещё слабые, что на лапках едва держатся!

— Постой, чего всполошилась, дай досказать, — заметил Бишка. — Никто не решится тебя выгнать в таком положении, а если б даже барыня и вздумала сделать тебе такую неприятность, так ребяташки вступятся. Если б ты слышала, какой они подняли гвалт, когда при них сказали, что котят твоих надо в помойную яму выбросить...

У нашей матери при этих словах глаза так и сверкнули в темноте, точно вдруг две серные спички зажглись.

— В помойную яму! Кто это сказал? — завизжала она, — кто? кто?..

— Тсс... Тсс! Ничего я тебе не скажу, пока ты не перестанешь беситься, — огрызнулся Бишка.

Но когда бедная наша мать печально замяукала, ему стало жаль её.

— Ну, плакать теперь! Этого ещё не доставало! — проворчал он добродушнее. — Да говорят тебе, безмозглая, что котятки твои останутся целы и невредимы. Была опасность, да миновала. Я нарочно сегодня весь день ходил из комнаты в комнату, чтоб прислушаться к разговорам и узнать твою судьбу: ну, в настоящую минуту семейству твоему не грозит ни малейшей опасности. Что же касается будущего, то ты сама должна понимать, что всё зависит от того, как твои детки сумеют себя поставить в доме. От кошек ведь немного требуется: если только они красивы, ласковы и веселы — им очень хорошо живется на свете.

Слова эти окончательно успокоили нас. В красоте своей мы не сомневались: в кого нам было родиться уродами? Мать наша была известная красавица; ласкаться же да играть каждый котёнок умеет так хорошо, что нас в этом даже и людям ставят в пример.

С час времени простоял Бишка над нашим ящиком и дал нашей матери множество хороших советов.

— Таковую молодую и ветреную кошку, как ты, надо учить, — говорил он, — где тебе было набраться опытности, что ты знаешь? Всего только второй год живёшь на свете, не то, что я, — прибавил он со вздохом.

Правда, нашей матери было далеко до него. Бишка был старый-престарый пёс. Барин подарил его барыне, когда они были женихом и невестой, а теперь их старшая дочь кончала своё воспитание в институте, а сыновей, Мишу с Федей, готовились отвезти в училище правоведения. Посчитайте, сколько это лет выйдет?

— С тобой все гораздо лучше, чем ты заслуживаешь, — наставлял Бишка нашу мать. — Дарья Максимовна каждый день по два раза приносит тебе молока с белым хлебом; надо это ценить, а ты ей намедни чуть глаза не выцарапала, когда она подошла к тебе слишком близко с чашкой. Это глупо... Накидываться на людей можно, но с разбором, чтобы лишних врагов себе не нажить. Ну, каково бы тебе было, если б Дарья Максимовна, озлившись, выплеснула бы молоко за окошко, вместо того, чтоб поставить его тебе в ящик?

На такие резоны возражать было трудно, и мы все молча выслушивали советы нашего старого друга, мысленно давая себе слово следовать им. На другой день нашу мать нельзя было узнать: она сделалась так

кротка и смиренна, с таким ласковым мяуканьем принялась за свежее молоко, принесённое Дарьей Максимовной, что та решилась вынуть одного из нас, чтобы показать маленькой девочке, которая стояла рядом с нею и блестящими от любопытства глазами пыталась заглянуть в ящик, на дне которого мы копошились. Девочка эта была Катя.

Вышло так, что попалась под руку старушки я и что она меня первую вынесла из тёмного угла на свет Божий.

— Няня, какой он маленький! — вскричала Катя, протягивая обе ручки ладонями кверху, чтоб меня положили на них. — Дай мне его подержать, пожалуйста, дай! — повторяла она дрожащим от волнения голосом.

Когда няня исполнила её просьбу, Катя поднесла меня к окну и начала мной любоваться, поминутно вскрикивая:

— Лапочки-то, лапочки-то какие прелестные! А мордочка — точно розовый бархат!.. Нянечка, можно мне его поцеловать?

— Можно, голубчик, можно, — проговорила, улыбаясь, Дарья Максимовна. Пунцовые влажные губки слегка и осторожно притронулись к моей голове. Поцелуй этот между ушами мне был так приятен, что я зажмурилась от удовольствия, а затем начала озираться кругом. Никогда мне не забыть этой минуты! Окно было отворено в сад. На дворе стояла чудесная осенняя погода; солнечные лучи ярко золотили пожелтевшую листву и широкими, трепещущими пятнами ложились на траву и кусты. Птички громко чирикали, охотясь за букашками и за червяками. Мое появление у окна было тотчас же замечено; два воробья подскочили очень близко и дерзко заглянули мне в мордочку. Понятно, что они узнали во мне своего природного врага, кошку, но я была еще так мала и слаба, что бояться меня не стоило. Они объявили мне это на своём птичьем языке, а я замяукала им в ответ, что они правы и что мне теперь пока

ничего не нужно, кроме молока с булкой. Ни зубов, ни когтей у меня ещё не было.

— Как это приятно слышать! — заметил один из воробьёв.

— И вас, наверное, скоро забросят в помойную яму или за забор? — подхватил другой.

— Ну, это мы ещё увидим, — возразила я с досадой.

Глупая эта птичья порода самых обыкновенных правил общежития не понимает! Хорошо, что накануне Бишка догадался успокоить нас насчёт нашей дальнейшей судьбы, и потому особенного впечатления слова легкомысленной птицы не могли на меня произвести!

Вдруг позади нас раздался крик, шум и торопливый топот; дверь с треском распахнулась, и в комнату, точно ураган, ворвались Федя с Мишей, братья Кати.

При первом знакомстве они показались мне настоящими чудовищами, у меня даже шерсть на спине встала дыбом от ужаса. Видно, между ними в коридоре произошла серьёзная драка. Растерзанные, косматые, с расстёгнутыми воротами у рубашек и без поясов, со сверкающими глазами, со сжатыми кулаками, они удивительно как были похожи на двух петухов после боя.

Первым подлетел к нам Федя. Но не успел он протянуть руку с тем, чтобы схватить меня, как брат наскочил

на него сзади, ударил изо всех сил по спине и, оттолкнув в сторону, ловко очутился на его месте.

На беду, Дарья Максимовна только что вышла, так что оградить нас от этих разбойников было некому. Можно себе представить, как растерялась Катя! Вне себя от испуга, она начала кричать, вскочила на стол и подняла меня так высоко, что у меня с непривычки голова закружилась и глаза зажмурились. Кажется, со мной сделалось то, что люди называют обмороком; но когда, очнувшись, я взглянула вниз и увидела громадное расстояние, отделявшее меня от пола, то мигом сообразила, какой смертельной опасности подвергаются мои хрупкие, тонкие, ещё порядком не окрепшие косточки, и изо всех сил замяукала. Катя же между тем продолжала со слезами на глазах звать на помощь. Но никто не шёл, и я чувствовала, как силы её слабеют и руки дрожат. С замирающим сердцем ждала я той минуты, когда злым мальчикам удастся, наконец, стащить мою покровительницу вниз и вырвать меня из её рук. Они теребили её платье, щипали ей ноги... Федя уж готовился вскарабкаться к нам на стол...

— Постой! постой! я тебя сейчас достану! — визжал он, отступая на несколько шагов, чтобы прыгнуть с разбега.

Но Миша придумал шутку ещё злее: он нагнулся и приподнял одну из ножек стола... Мы обе, Катя, с громким криком, и я, мяукая, слетели на пол.

Что́ было дальше — не помню. Говорят, что на Катин крик и на мой писк весь дом сбежался, что Катя ударилась виском о комод и что её подняли всю в крови. Но даже и в эту страшную минуту она не выпустила

меня из своих объятий и так крепко сжимала меня в своих ручках, что у меня дыхание спёрло в горле.

Помяла она меня-таки порядком при этом падении, но я не могла на неё сердиться: выпусти она меня из рук раньше хоть секундой — ещё хуже было бы.

Кто-то (Дарья Максимовна, верно) отнёс меня обратно в ящик, под лестницу, где мать изнывала по мне в тоскливом ожидании. Нервы мои были так потрясены, что я очень долго не могла ни пить, ни есть и ни о чём другом думать, кроме как о постигшем меня приключении. Братья и сестра дивились моим рассказам и столько раз заставляли меня повторять одно и то же, что мать наша рассердилась наконец и, объявив, что мы ей надоели, приказала нам молчать.

Она была не в духе, да и было отчего: переполох, случившийся в доме из-за меня, совсем отшиб память у Дарьи Максимовны; она не несла нам обычной порции молока с хлебом, которую мы ждали с самого утра, так что наша мать решила сама идти за провизией.

— И всегда-то они так, эти пресловутые люди, — ворчала она, вылезая из ящика и пробираясь к выходу из тёмного коридора, — при каждом удобном случае готовы про нас забыть, а ещё умом своим хвастаются! Пойти помяукать в буфетную да в столовую; не мешает также заглянуть мимоходом и в девичью: там горничные иногда воблу грызут между завтраком и обедом... Можно и по гостиной осторожно пройти; барыне к этому времени всегда чай со сладкими сухариками и сливками подают на серебряном подносе. Авось, увидав меня, вспомнят, что у матери, которая

кормит разом четырёх деток, непременно должен быть хороший аппетит и что заставлять её голодать — довольно-таки бессовестно.

Минут через десять она вернулась — сытая и довольная. Должно быть, ей и рыбьих костей дали в девичьей, и сливок с сухариками в гостиной.

За нею шла какая-то незнакомка (впоследствии оказалось, что это горничная и что зовут её Физа) с чашкой в руках, а за незнакомкой — наш старый друг Бишка.

Мы высунули было наши любопытные мордашки из засады, но нам не удалось рассмотреть ни новую личность, приближавшуюся к нам, ни чашку, которую она держала в руках: мать поспешно прыгнула к нам

в ящик и всех нас подпихнула под своё мягкое, жирное тело. А затем она раза три провела розовым язычком по усикам и, выразительно мяукнув, начала тревожно озираться по сторонам.

Физа нагнулась к нашему ящичку и стала шарить в нём рукой, чтоб найти место, куда поставить чашку. Мать наша продолжала волноваться; я этим

воспользовалась, чтоб выглянуть из-под её хвоста и посмотреть на Бишку: тот сидел на задних лапках и, тихо пошевеливая своими длинными ушами, с видимым интересом следил за каждым движением Физы. Когда она поставила чашку с молоком в уголок, он сильнее заморгал глазами, однако продолжал смотреть, не трогаясь с места.

— Это ещё не всё, главное сейчас будет, — проговорил он на том языке, на котором мы объясняем между собой и о котором люди не имеют ни малейшего понятия, невзирая на всю их учёность. — Она пришла за одним из твоих котят, — объявил он нашей матери. — Я слышал, как ей приказывали принести его маленькой барышне, вот я и пришёл сюда вместе с нею, чтобы взглянуть, как она его будет брать.

Слова эти привели нашу мать в сильное смятение, а нас стало разбирать любопытство; один за другим мы выползали из-под неё и поднимали мордочки кверху.

